

The background of the image is a deep space scene filled with numerous stars of varying colors, including blue, white, and red. A prominent feature is a large, vibrant nebula in shades of red and pink, with a bright white and blue core. The overall atmosphere is ethereal and expansive.

Гр а н и
к о с м и ч е с к о г о
м и р о в о з з р е н и я

В.И. Алексеева

А.В. Сухово-Кобылин: ЭВОЛЮЦИОННЫЙ ПУТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

...всякое воистину разумозрительное созерцание событий мира по своей синтетической, экстремы нейтрализующей, а потому умиротворяющей натуре вносит в мир не меч, а мир.

А.В. Сухово-Кобылин. *Философские письма*

...захлодало в Мире, задумался Прогресс, овдовела Гуманность...

А.В. Сухово-Кобылин. Из монолога Кандида Тарелкина («Смерть Тарелкина»)

*Wer die Natur mit Vernunft ansieht,
den siecht sie auch Vernunftlich an¹.*

Г.Ф.В. Гегель

Александр Васильевич Сухово-Кобылин (1817–1903) принадлежал к старинному дворянскому роду и прожил самую долгую жизнь из всех литераторов XIX века, не исключая Льва Толстого. Был хорошо знаком с Герценом, Огаревым, Гончаровым, встречался с Гоголем, Некрасовым, Григоровичем... За год до смерти, в феврале 1902 года, Императорская Академия наук избрала его в почетные академики (вместе с Максимом Горьким, Чеховым и Короленко).

Родился он в тульском имении Кобылинка. До семнадцати лет воспитывался и обучался дома, потом учился на физико-математическом отделении философского факультета Московского университета. В 1838 году за конкурсное сочинение «О рав-

¹ «Кто с разумом взирает на природу, на того и она смотрит разумно» (нем.).

новесии гибкой линии с приложением к цепным мостам» был награжден золотой медалью. Прислушал курсы лекций в Гейдельбергском и Берлинском университетах. В Германии до такой степени увлекся идеями Гегеля, что в течение двадцати трех лет переводил на русский язык его основные труды, а свое собственное философское учение считал завершающим разделом гегелевской «Энциклопедии философских наук». Полагал, что работа по переводу Гегеля приносила ему величайшую пользу, но признавался, что работал медленно и лениво – один из томов переводил целых девять лет. 1843–1849 годы Сухово-Кобылин провел в Париже и Москве. «Лютейший аристократ», западник, светский лев, он, по воспоминаниям современников, оставался для многих фигурой загадочной, «невидимкой, некоторым иксом» (П.Д. Боборыкин).

В ноябре 1850 года в его судьбе случился трагический перелом. Была убита его любимая женщина, француженка Луиза Симон-Деманш, и в обществе

А.В. Сухово-Кобылин в молодости

прокатилась волна нелепых слухов... Уголовное дело тянулось семь лет. Смерть близкой ему женщины и несправедливые обвинения расщелили жизнь Сухово-Кобылина на две части и разбудили дремавшие в нем творческие импульсы².

Когда именно начались его собственные философские искания? Исследователи творчества Сухово-Кобылина отмечают фрагментарность дошедшего до нас архива – рукописей, дневников, писем. В 1995 году брошюру «Учение Всемир: Инженерно-философские озарения» составили и издали профессиональные математики. Они отмечают в предисловии: «Судьба философского наследия Александра Васильевича Сухово-Кобылина трагична: оно осталось практически невозможным»³. Исследовать причины такого положения мы не можем: рукописи дошли до нас не полностью и в разрозненном виде – значительная часть архива погибла вместе с обширной библиотекой и барской усадьбой при пожаре в Кобылинке в 1899 году. Оставшиеся он увез с собой во Францию, покинув родину в конце жизни. Умер в Болье (близ Ниццы). Впоследствии архив был возвращен на родину дочерью писателя Луизой⁴, но, как предполагают, часть этой части также могла не попасть в Россию.

Отдалившись от всех и отдаливши всех от себя, он признавался в дневниках в горестном, поистине трагическом одиночестве. «...Я относительно России пессимист – ее жалею, хую, – но люблю. Мне она всегда была мачехой, но я был ей хорошим, трудящимся сыном. Здесь, в России, кроме вражды и замалчивания, ждать мне нечего. На самом деле я России ничем не обязан, кроме клеветы, позорной тюрьмы, обирательства и арестов меня и моих сочинений, которые и теперь дохнут в цензуре... Из моей здешней, долгой и скорбной жизни я мог, конечно, понять, что на российских

² Старосельская Н.Д. Сухово-Кобылин. М.: Молодая гвардия, 2003. С. 271.

³ Сухово-Кобылин А.В. Учение Всемир: Инженерно-философские озарения. М.: СЕТ, 1995. С. 1.

⁴ Она передала 35 дневников и записных книжек, охватывающих огромный временной период, с 1827 по 1900 год, оставив себе на память лишь несколько из них. Сегодня, по словам Е.Н. Пенской, они находятся в США (Старосельская Н.Д. Сухово-Кобылин. С. 283).

полях и пажитях растет крапива, чертополох, татарин, терновник, куриная слепота для мышления, литературная лебеда для “духовного кормления”. Лично обречен я с моими трудами литературному остракизму и забвению»⁵. С годами затворничества и уединенное размышление стало для него потребностью и «превысшим наслаждением».

Прижизненных публикаций его философских трудов мы не знаем. Сами идеи не распространялись и не пропагандировались. Они никак не могли соперничать по степени известности с тремя пьесами, ставшими русской классикой: «Свадьба Кречинского», «Дело» и «Смерть Тарелкина». Сухово-Кобылин писал, что «самим созданием этих пьес обязан философии». Сценическая их судьба была трудной. Критики до сих пор соревнуются в определении жанра трилогии, называя пьесы «дьявольскими водевилями», «страшной арлекинадой», «трагическим балаганом», «лирической сатирой», театром абсурда. Сухово-Кобылин-драматург «опрокидывает всю космогонию Гегеля»⁶, утверждал Л.П. Гроссман.

Драматург затмил философа, и, видимо, самого Сухово-Кобылина такое положение дел вполне устраивало. Может быть, он рассуждал примерно так же, как Н.Ф. Федоров, не желавший издавать «Философию общего дела».

К тому же он предполагал препятствия цензурного характера. В одном из писем 1895 года указывал: «Печатание моих философских трудов почти невозможно, и происходит это от моего отношения к православию и моих крайних симпатий к рационализму. Меня возмущает мысль, что эти мужики в золотых шапках возьмутся своими грубыми лапами и еще грубейшими мозгами за мои сложнейшие извороты и аргументы, – мне это кажется поруганием истинно святого, т.е. самой истины»⁷.

Попробуем перелистать страницы дошедших до нас рукописей. Может быть, мы найдем в них не только абстрактные идеалы и отдаленные перспективы. Может быть, философия русского космизма в который раз укажет нам инструмент для познания себя самих.

Вселенная есть дом человечества

Сухово-Кобылин полагал, что человечество, его прекрасное будущее, совокупность его грядущих потенций и ликов единственный и абсолютный предмет философии. Он пред-

Графиня Луиза А. де Фальтан,
дочь А.В. Сухово-Кобылина

ставлял себе цивилизационное развитие в виде трех основных стадий. *Теллурическое*, земное, человечество заключено в границах земного шара. *Солярное* выходит в пределы Солнечной системы. *Сидерическое*, всемирное, обитает в бесконечности Вселенной.

При этом вся история человеческого рода является собой процесс исхождения материи в дух, процесс разумного боговидения, бесконечного ближения к Богу. Именно становление духа – как становление разума, как развитие сознания – составляет содержание исторического процесса. И лишь формой, демонстрирующей эти стадии развития, является пространственный масштаб. Здесь проходит та же мысль, которой были отвержены Н.Ф. Федоров и К.Э. Циолковский: *Вселенная есть дом человечества*. Выход в космос неизбежен, как неизбежно взросление и возмужание; но лишь повзрослевших и возмужавших он примет. Детство же свое надо провести на скромной планете по имени Земля.

Логика мыслителя устанавливает прямое соответствие между преобладающим типом человека и типом самого общества. *Чувственному человеку*

⁵ Старосельская Н.Д. Сухово-Кобылин. С. 15.

⁶ Цит. по: Старосельская Н.Д. Сухово-Кобылин. С. 195.

⁷ Старосельская Н.Д. Сухово-Кобылин. С. 170.

А.В. Сухово-Кобылин

соответствует земное общество; рассудочному – солярное; разумному – звездное. Чувственный человек с его неразвитым мышлением непосредственно воспринимает мир вокруг себя как механическую сумму отдельных событий и процессов, а общество – как толпу. В отдельных людях он наблюдает столкновение их частных интересов, борьбу противоположностей. Думается, что под чувством и чувственностью Сухово-Кобылин подразумевал страсти и считал восприятие мира сквозь их покров поверхностным и искаженным. Подобно буддистской теории, которая находит омрачения (*клеши*) главным препятствием на пути видения истины, он считал чувственность той преградой, которая мешает прозреть единство мира. Чувство воспринимает только разницу, противоположность, множественность. Мир, распадающийся в сознании человека на сумму противоречивых явлений, становится бессмысленным.

Согласно закону тождества бытия и мышления, которого как истинный гегельянец придерживался Сухово-Кобылин, пределы развития общества задаются пределами развития мышления человека. Мышление непосредственно зависит от развития духа; неверное познание мира соответствует несовершенному типу общества и напрямую отражается в межличностных отношениях. Применяя свою теорию к реальной истории человечества, он привел несколько примеров.

Так, теллурический, чувственный тип воплотился в античном обществе с его канонами телесной красоты, увлечением спортом. Культура ограничивалась тренировкой тела, гимнастикой. Тело было и гордостью, и славой. Античная душа являла собой лишь зерно зарождающегося духа. Древние эллины были юношами человечества, а греческий мир был миром ребячества, миром юности. И главной чертой человека было отсутствие знания о едином Боге, что отразилось в многобожии античности.

Однако Сухово-Кобылин отдавал должное личностям, которые прозревали истину. Гераклит, по его мнению, столь «явственно и изумительно» видел Бога и указал на основные законы природы, что его учение не устарело по сей день. Учение Анаксагора о том, что разум правит миром, он считал зерном всей современной философии. Сократ был первым реформатором, потребовавшим от античного мира познать самого себя. Платон усмотрел Бога в качестве архитектора вселенной. Иисус из Назарета своим великим сердцем видел Бога.

Локальный бог, бог поместный, пребывающий лишь в храме, ограниченный и конечный, созданный наивным человеком по своему образу и подобию, – имеет ли он отношение к Богу? Обрушива-

ясь на подобный тип мышления, Сухово-Кобылин не стремился отрицать его – действительность невозможно отрицать. Он хотел лишь показать, что стадия чувственного восприятия – это первая ступень познания, на ней нельзя, невозможно остановиться, и время, когда человек еще не знает беспространственности и универсальности мирового духа, должно уйти навсегда.

В современном ему общественном устройстве XIX века Сухово-Кобылин находил признаки второй стадии общественного развития – признаки солярного, рассудочного человечества. Но и солнечное человечество в представлениях автора далеко не было совершенным. Рассудочный тип человека характеризуется индивидуализмом, сепаратизмом, жадной наживы. Познание феноменальной стороны мира, множественности разрозненных вещей и явлений на этой стадии еще не дает возможности проникнуть умственным взором в глубину цельного бытия. Царствует дуалистический рассудок. Он анализирует и разделяет, он *препарирует* действительность. Типичным представителем солярного человечества является человек обыденный, конечный, эмпирический. Он еще не поднялся до логического богопознания, до понимания бесконечности мирового бытия.

Для Сухово-Кобылина схоластическая философия, догматическое богословие и атеизм представляли собой однопорядковые феномены по уровню рассудочного мышления. О силе разума «рассудочники» еще не имеют представления, а неуправляемую чувственность человека преувеличивают или абсолютизируют. Эмпирия рассудочников формирует свой тип общества. Так, римско-католический схоластический мир и механико-материалистическая философия Нового времени, сколь бы далеко отстоящими друг от друга они ни казались, имеют определенное сходство. Конкретно-чувственное эмпирическое мышление нуждается в однозначных знаках-символах, в символике власти, будь то абсолютизм или демократия.

Но особенно ярким примером является папская власть, прижавшая человеческий дух жесткой догмой. Главную причину этого положения вещей Сухово-Кобылин видел в конкретном мышлении большинства людей. Они переносят свойства Бога на человека, облеченного властью; они замещают авторитет Бога авторитетом папы; они замещают ценности подлинного духовного бытия богослужением. Подлинное еще не доступно человеку, еще не видимо для него. Отсюда вырастает жесткая властная вертикаль, и прежде всего духовная власть человека над человеком, авторитет должности.

В чем же разница между этими тремя способами познания, из которых лишь один является

истинным? *Чувство* – *чувет*, ощущает, непосредственно воспринимает, то есть не проникает в суть. Рассудок *воображает*, представляет себе вещи. Он не способен глубоко мыслить, следовательно, не мыслит бесконечного. Разум *мыслит* вещи, и лишь разум проникает в суть. Сущность вещи представить себе нельзя, но ее можно и должно мыслить. Ни чувство, ни рассудок не обходятся без мышления. Однако чувственность есть *ощущающее* мышление; рассудок есть *анализирующее* мышление; а разум есть *синтезирующее* мышление. Чувственность и рассудочность во всем находят двойственность, противоречия. Рассудок, по выражению мыслителя, дуалист. Он различает, рассекает, мертвит. На смену аналитическому мышлению неизбежно должно прийти синтезирующее.

Только разум синтезирует и *живит*, видя противоположности тождественными, а противоречия между ними – поверхностными и преходящими. Соединение противоположностей в высшем третьем – таков истинный способ познания действительности. Поэтому разум назван Сухово-Кобылиным *триалистом* и *монистом*. Удивительным образом смыкаются представления западноевропейских, российских и восточных мыслителей, когда речь заходит о формулах единства. Как будто о Сухово-Кобылине написал английский философ, логик, математик и социолог Бертран Рассел: «Одна из самых убедительных сторон мистического просветления заключена в откровении, показывающем несомненное единство всех вещей. Это откровение порождает пантеизм в религии и монизм в философии. Логика, начинающаяся с Парменида и достигающая у Гегеля и его последователей своей кульминации, разрабатывалась ради того, чтобы доказать, что Вселенная есть единое, неделимое целое, а то, что кажется ее частями и считается субстанциальным и самосущим, просто иллюзия»⁸.

От дуализма к универсализму

Итак, царства чувства, рассудка и разума не противоречат друг другу, но в ходе исторического развития сменяют друг друга. И не было бы в чувственном и рассудочном периодах становления ничего плохого, если бы они безвозвратно уходили в прошлое. Однако беда в том, что эмпирики возрождаются вновь и вновь и, суетясь в бесконечной пестроте феноменального мира, игнорируют высшие знания.

Дуализм как раскол сознания непосредственно отразился на картине мира. Дуализм стал фор-

мой как схоластической философии, так и католической религии. Многое раздвоилось. Земля с ее земной жизнью стала противоположна небу и небесной, загробной жизни человека. Власть раздвоилась на духовную и светскую. Политическое общество распалось на духовных и мирян. Знание разделилось на истинную веру и ереси. Неправильное, поверхностное понимание мировых устоев не только обусловило многочисленные расколы социального плана. Оно породило озлобление, страх, отчаяние. Анархические и нигилистические настроения, волну самоубийств, охватившую не только Россию, но и европейские государства в конце XIX века.

Оно же породило расовую ненависть, пресловутый еврейский вопрос. Сухово-Кобылин называет антисемитизм безумным походом бессильных на сильных. Только сильная нация могла дать миру иудаизм (религию культуры и духовного совершенства) и христианство.

Даже рассудочная философия стала источником некоторых видов лжи, например причинно-следственного учения и субъект-объектной парадигмы. Что же смущало мыслителя в этих позициях? В дихотомиях «причина – следствие» и «субъект – объект», которыми широко пользовалась классическая наука, как будто нет особого порока. А вот и ответ на наш вопрос. «В этой несчастной Философии и Бог мертв, ибо он для нее вне Мира, и Мир ничтожен, ибо он вне Бога, и Категории мертвы, и Роды взаимочужды, ибо друг в друга не исходят...»⁹ Плохи не сами категории, а раз и навсегда отведенные для них места в нашем сознании, отсутствие взаимных переходов, диалектики, живого движения. Вспомним, к чему привело одно только учение об активном субъекте – человеке и объекте – природе, долженствующей предоставить хозяину жизни все свои богатства в одностороннем порядке. И только сегодня с высоты, скажем, синергетической парадигмы мы можем оценить провидение философа XIX века. Телеологическое учение уже давно сошло с арены современной философии, да и субъект-объектные отношения оказались на обочине истории.

Универсализм в понимании мировой истории сближал позицию Сухово-Кобылина с мыслителями, которые перешагивали государственные, национальные и этнические границы, и прежде всего с Л. Толстым. Национальное самосознание подвергалось им критике как ограниченное, разграничительное. Национальное становится антинациональным, если делает упор на свою исклю-

⁸ Рассел Б. Почему я не христианин. М.: Политиздат, 1987. С. 50.

⁹ Сухово-Кобылин А.В. Философские письма, или Этюды спекулятивной философии в ее поступании за гегелизм. Т. 1. 1899. ЦГАЛИ. Ф. 438. Оп. 1. Ед. хр. 56. Л. 111.

чительность. Качество национального сознания такого рода философ сравнивал с абсурдом признания русской, французской или эфиопской арифметики¹⁰. И здесь он выступал как космист, для которого прогресс состоял отнюдь не в разворачивании физической экспансии в физическое пространство космоса. Прогресс состоял в другом – в появлении такого свойства в самосознании людей, которое привело бы их к согласию. К согласию внутреннему, душевному, а не организованному внешним образом.

Однако вернемся ко второй стадии развития общества. Возникает многообразие социальных структур. Формируются этносы, нации, государства. Появляется плюрализм мировоззрений, то есть в целом происходит дифференциация общества, проявляется частное, особенное. В космических масштабах могут возникать ряды солярных человечеств, прикрепленных узлами пространства к своим солнечным системам. Признавая историческую закономерность этого этапа развития, Сухово-Кобылин считал, что рано или поздно он должен быть преодолен.

В недрах религиозной истории он усматривал признаки зарождения высшей, третьей стадии. Высоко ценил учение и практическую деятельность Лютера, который, по мнению философа, усмотрел местопребывание Бога в глубине человеческого духа. Расценив этот акт познания идеального как великое открытие, как соединение божественного и человеческого, Сухово-Кобылин увидел в нем высшую форму развития разума. Разум человека наконец обретает познание бесконечного, познание *единой сущности всех вещей*. Разум видит неизмеримо дальше рассудка. Сущность кажущихся «экстремов»-противоположностей он видит тождественной, а их противоположность – внешней преходящей формой. Синтез выступает в качестве наивысшей мыслительной операции, и именно она является познанием истины. Приближение к Богу происходит через познание высших законов бытия; и они же становятся законами общественного развития. Осознанная отнесенность человека к Абсолюту изменяет ход социальной действительности, поскольку внутреннее определяет внешнее; духовное саморазвитие определяет социальное бытие. Так, Божья община, сходная с градусом Августина Блаженного, возникает только в том случае, если люди познали духовное единство мира.

Каков же переход от рассудочного человечества к разумному? Каков переход от одного типа общества к другому, в терминологии Сухово-Кобылина – от солярного к сидерическому? Этот вопрос

приводит нас к проблеме политической революции. Можно ли перейти от низшего к высшему, от несовершенного к совершенному через кровавый переворот? Нет, утверждает мыслитель. Революция есть политическая реформа, изменяющая внешнюю политическую отнесенность человека к человеку. Система внешних социальных отношений должна изменять свой характер вследствие *внутреннего духовного переворота*. А теперь задумаемся: возможно ли, чтобы духовный рост сопровождался насилием и кровопролитием?

Люди совершают революционные акты, исходя из своей собственной воли, не зная или игнорируя естественные законы истории, а ведь основным, глубинным содержанием исторического процесса является «исхождение материи в дух». Революции обычно сопровождаются насилием и не являются нормой общественного развития, они есть акты человеческого невежества. В частности, Сухово-Кобылин упрекал народовольцев в том, что они навязали обществу тактику уличного социализма, тактику ломки и потрясений. Разбойничьи приемы он называл террор, грабеж, уличный бой, гильотину. Собственно, акты насилия представляют собой тот критерий, по которому возможно отличить революцию или политическую реформу, навязанную обществу. Если и необходимо бороться, то не с кинжалом и динамитом, а с Библией в руках.

«Здесь я укажу только на основное положение этой философии, что в мире только рациональное долговечно и устает, что мировой процесс совершается по абсолютному, логическому, т.е. божественному закону, и следовательно, что для разума, иже и есть абсолютная сила, ни динамита, ни револьверов НЕ НАДО. Вся эта арматура уличного грубого социализма есть тупоумие и зверство. Разум истории, как абсолютная сила, в истории и без револьверов справится. Я всегда считал и теперь считаю, что всякое насильственное Вмешательство индивидуальной, чьей бы ни было, Воли в Поступание как народного, то есть усобного, так и общечеловеческого Духа законопреступно. Во-первых, оно преступно против Разума как Логики событий; ибо не внешней Пертурбацией этого логического, стало необходимым, стало спокойного Хода, а лишь оным Законом Саморазвития, то есть внутреннею Работою Мышления, совершаются истинные шаги в историческом Процессовании Человечества. А во-вторых, оно преступно против в Обществе наличествующих социальных Форм как таких Моментов Духа, которые в дальнейшие еще не изведены

¹⁰ Сухово-Кобылин А.В. Философские письма, или Этюды спекулятивной философии в ее поступании за гегелизм. I т. 1899. ЦГАЛИ. Ф. 438. Оп. 1. Ед. пр. 56. Л. 22.

и, следовательно, еще не упразднены, и как осенняя Листва еще не опали»¹¹.

Однако революции могут быть необходимы, вписываясь в ход исторического саморазвития. Но в таком случае их основным признаком будет отсутствие насилия. Скорее сам ход определенных общественных процессов изменяет ситуацию в нужном направлении. Летнюю листву срывают, но осенняя опадает сама. Те человеческие расы, которые подошли к необходимости внутренней духовной реформы, станут орудием человечества, окажутся во главе всемирного процесса. Суть же внутренней трансформации заключается в познании Абсолютного духа и обретении его самой человеческой натурой. На этом пути подлежат преодолению как чувственные представления о Боге (папский католицизм),

так и деизм (французский революционный атеизм XVIII века).

Высшая степень развития общества представляет собой воплощенный в людях, реализовавшийся абсолютный дух. «Ибо, если мы станем исследовать, что такое есть мы, которые можем все, что от нас отлично, положить как не-Истинное, то нам станет очевидным, что Натуру нашу составляет не Протяженность, ниже Фигура, ниже Место, но исключительно только Дух или его, Духа, Деятельность, то есть Мышление»¹². Сухово-Кобылин опирался на авторитеты Декарта, Спинозы, Фихте. Однако на память приходит и мудрость Востока. Вспомним начало песни Ади Шанкарачарьи «Гад Нискала»: «Я не являюсь ни умом, ни интеллектом, ни эго, ни читта, ни ушами, ни языком, ни чувством обоняния и зрения, ни эфиром, ни

воздухом, ни огнем, ни водой, ни землей. Я есть вечное блаженство и сознание...»¹³

Человек был возведен мыслителем на высочайшую ступень. «Человечество в своем высочайшем моменте есть <...> сам вездесущий и всеильный Бог»¹⁴. Со временем телесность трансформируется, плоть станет невесомой. Проявится истинная природа человека – сверхчувственная, сверхпространственная, невидимая. Он станет пребывать везде, и человечество освободится от кандалов пространства. Локальные соляные общества сольются в звездное человечество.

«Я верю, чую, что скоро этот высший Интерес к Истине проснетя, – конечно, не в полных Желудках ожиревших Классов Общества; а в чистом Сердце Людей, окрепших в Работе Мышления, о которых так высоко и прямо сказано в Писании: “Блаженны чистые Сердцем, яко тии Бога узрят”. Иное Светило иного Дня взойдет над этим Жаждою Наживы и вся-

А.В. Сухово-Кобылин в рабочем кабинете в Кобылинке

¹¹ Сухово-Кобылин А.В. Философские письма, или Этюды спекулятивной философии в ее поступании за гегелизм. I т. 1899. ЦГАЛИ. Ф. 438. Оп. 1. Ед. хр. 56. Л. 4.

¹² Там же. Л. 130.

¹³ Шри Шанкарачарья. Нирвана Шаткам. § 1.

¹⁴ Сухово-Кобылин А.В. Учение Всемир: Инженерно-философские озарения. С. 35.

ческой Суетою терзаемым Миром. Мне сдается, что страшная рассудочная Ночь прошла, что Заря нового Дня наступает, и спекулятивное Солнце, то есть светоносное Солнце Разума, уже от Горизонта не далеко. Люди начали усматривать вокруг себя иные Предметы, иные высшие Цели, и потому иные Желания и иные Наслаждения»¹⁵.

«Граждане суть нули общества»

Каждый этап развития общества характеризуется своими техническими возможностями, своими способами полета. Косному теллурическому человеку недоступно ни воздушное, ни космическое пространство; такой человек пребывает ниже животных и птиц. И это физическое положение, отведенное ему природой, имеет нравственное значение. Солярное человечество использует велосипед, железнодорожный вагон, искусственное крыло. Все эти средства символизируют начало преодоления пространства, начало будущих органических крыльев. Сидерическое человечество состоит из людей, обретших статус духа. Такой человек бестелесен и имеет абсолютную свободу передвижения. Сам пространственный материальный космос трансформируется, пространство теряет свою силу.

Склонный к математической интерпретации своих идей, Сухово-Кобылин ввел обозначения для главных этапов становления бытия: $0 - 1 - \infty$. Нуль, единица и бесконечность не только обозначают, но и характеризуют три периода. Начальный этап, нуль, являет собой чистую потенцию будущего мира. Бог существует наедине с самим собой. Единица – появление и существование материи. Это мир материальных форм, мир природы и человека. Формы множественны и, по всей видимости, разделены между собой. Единица как символ этого мира в действительности показывает, что он состоит из великого множества единиц. Человеческое сознание воспринимает его именно так, и в обществе преобладает *самость*: единицы и незначительные конгломераты единиц мыслят только самих себя. Бог пребывает наедине с природой и человеческой множественностью.

Знак ∞ обозначает переход к бесконечности. Множественность единиц уступает место *духовному единству*. Энергия чистого мышления человека сливается с природой и логическим чистым бытием – Богом. *Всемир* приходит к высшей точке своего развития. Это проявленное духовное бытие, преобразование мира единиц. Ход представленного философом развития совпадает с христианской

онтологией, хотя, возможно, сам автор ее и не придерживался. Это – бытие до начала творения; бытие материального мира и, наконец – бытие после акта преобразования. Любитель гегелевских триад, подобным образом Сухово-Кобылин мыслил все типы развития.

Разобравшись в его своеобразной терминологии, начинаешь понимать, что подобный труд проделан не напрасно. Скажем, в третьем томе рукописи «Философия духа или социология» есть небольшой раздел под названием «Граждане суть нули общества». И это название отнюдь не означает пренебрежительного отношения к человеку, его сравнения с нулем как общепризнанным математическим знаком. Мы уже знаем, что нуль в системе Сухово-Кобылина есть *непроявленное бытие*, потенция будущего развития. Следовательно, человек-нуль представляет собой потенцию человека будущего сидерического человечества. *Проективность человека* – это то, на что указывали Федоров и Циолковский, Владимир Соловьев и Валериан Муравьев. Однажды явившись в этот мир, человек обладает неисчерпаемой потенцией для своего дальнейшего развития.

Сам генезис духа начинается только с появлением человека, и ему отводится огромная роль в эволюции мира как целостности. Ведь бессознательная природа не может породить и развить сознательное, духовное. Сама природа не может непосредственно перейти к высшей стадии существования. Именно человек занимает срединное место между бессознательной природой и высшим сознанием – Богом. Человек с его двойственной природой телесности и духа становится связующим звеном в процессе всеобщего развития. Бесконечность духа влияет на конечность протяженной материи и приводит к ее полной трансформации.

Вновь вернемся к Б. Расселу, который точно так же считал природу человека двойственной, а двойственность – преодолимой. Человек являет собой сплав двух начал: частичного и всеобщего, ограниченного и бесконечного, эгоистического и беспристрастного, зверя и Бога. Телесный аспект жизни, одинаковый для людей и животных, создает иллюзию конечности. Бесконечная же часть нашей жизни взирает на мир не с какой-то частной точки зрения. Ее свет подобен ровному отблеску солнца на хмуром небе. В сфере мысли она поднимается над частными эмоциями в поисках общего и понятного всем. В сфере желаний и воли она нацелена на благо как таковое, а не на мое или твое благо. В сфере чувств она дает любовь всем, а не

¹⁵ Сухово-Кобылин А.В. Философские письма, или Этюды спекулятивной философии в ее поступании за гегелизм. I т. 1899. ЦГАЛИ. Ф. 438. Оп. 1. Ед. хр. 56. Л. 8–9.

только тем, кто желает ее ради себя. В отличие от конечной части нашего «я», она беспристрастна. Беспристрастность приводит к истине в мышлении, справедливости в действии, всеобщей любви в чувстве.

«В отличие от природы, одинаковой у человека и животных, бесконечная жизнь беспрепятственно охватывает весь универсум существования и сущности. В ней нет ничего личностного, ее мысли и желания могут быть общими для всех, ибо они не зависят от исключительности “здесь”, “теперь” и “я”. Таким образом, бесконечное начало является принципом единства мира, а конечное начало – принципом, его разделяющим. Между бесконечным естеством в одном человеке и бесконечным естеством в другом человеке не может возникнуть серьезного конфликта: если их воплощения и несовершенны, то они дополняют друг друга. <...> По мере того, как бесконечное в нас возрастает, мы начинаем полнее жить той жизнью единого всеобщего естества, которое обнимает бесконечное в каждом из нас»¹⁶, – писал лауреат Нобелевской премии.

Беда наша во все времена заключалась в том, что мировоззренческие откровения мы принимали за абстрактные максимы; живую мысль превращали в догму; в идеале усматривали прекрасную утопию. Многие философские открытия испокон веков отвечали на вопрос о том, как на практике внести в мир не меч, но мир. Но провидение Парменида о бытии, как и античный принцип «все во всем» мы располагали в разделе «античная философия», учение Будды относили к разделу «восточные религиозные учения», а принцип благоговения перед жизнью Альберта Швейцера соседствовал с учениями Льва Толстого, Конфуция и Лао-цзы в книгах по гуманизму. Так и существовали: отдельно – знания об истине, отдельно – практика человеческого общежития.

А теперь посмотрим, насколько практически, действенными могут быть для нас сегодня философские рецепты такого уровня абстракции. Вернемся к вопросу об отношении к природе, как мы ее воспринимаем и чего хотим от нее в конце концов.

Порождением культуры XX века стали фильмы ужасов, часть которых эксплуатирует тему стихийных бедствий и борьбы с хищными животными. Одним из первых на российские экраны проник кинофильм «Челюсти», а не так давно телевидение предложило для воскресного развлечения американскую картину «Глубокое синее море». Пред-

полагалось, что, созерцая в течение двух часов гибель людей в водоворотах и в пасти гигантских акул, мы отлично отдохнем. Сюжет фильма незамысловат. Энтузиасты – медики и биологи – проводят эксперименты на акулах в поисках средства от рака. Такой панацеей стал белок, содержащийся в некоторых отделах акульего головного мозга. Для получения достаточного количества белка наращивают массу мозга животных. Следствием становится не только увеличение мозга подопытных акул, но и развитие их разума, а также агрессии. Итог – гибель всех подопытных животных и почти всех сотрудников засекреченной океанской лаборатории. При этом животные нападают на людей и громят лабораторные сооружения с единственной целью – уничтожить препятствия к выходу на свободу, в океан. Не знаю точно, что хотели сказать авторы фильма, предостеречь от вмешательства в физиологию животных или показать героизм медиков-энтузиастов, несомненно одно: в массовом сознании остается образ гигантских хищников, подлежащих уничтожению.

Применив концепцию природы Сухово-Кобылина к нашему времени, мы найдем в сегодняшней, весьма распространенной точке зрения не только явные, но и не заметные для поверхностного взгляда проколы. Итак, природа есть бессознательный феномен, способный перейти к преобразению, вступить в высший этап существования мира только с помощью человека как духовного существа, то есть одаренного чем-то чрезвычайно значимым, чего лишена она сама. Может ли более одаренный заимствовать у менее одаренного биологический материал, которым тот располагает? Может ли человек разбирать на запчасти животных и использовать их ткани, органы, вытяжки из органов – даже не с нравственной, а с логической точки зрения? Логика отвечает – нет. Человеку дано неизмеримо больше, чем львам, слонам и акулам, хотя в физическом плане они сильнее, зорче, быстрее его. Занимаясь о физическом состоянии и здоровье, человек может искать помощи в себе самом или в высшей силе, но не у братьев меньших. Тем более что тем приходится расплачиваться за оказание подобной помощи не только здоровьем, но и жизнью. Следовательно, экспериментируя на живой природе как на материале и потребляя живую природу именно таким образом, как показано в фильме (и как принято в общественной практике), человек выбирает неверный путь. Решая свои материальные проблемы, он не использует собственный духовный потенциал, а вырезает себе костыли из материала окружающей природы.

¹⁶ Рассел Б. Почему я не христианин. С. 24.

Друзья мои Левинерты.
 Картинка Мухоморов. Улицы.
 Мухоморы 1-е
~~Людмила и Мухоморы~~
 Людмила Сидорова 1-й этаж в доме Мухоморы.
 Людмила. А Иванна некуда - мне надо переписать.
 Она сначала о нас сергует. Взяла она у нас
 мантию красную - отур и обшурит - от-
 шурит в комнату Иванна Сидорова вышит и
 еду тура - это ухмыль - а урна, и
 перемешивает - не влюбленные наши
 Мил. Андрей Мухомор. 2-й этаж - и урна
 наш - мы в вас гамае вим вам некурт
 и не вим вам гамае вим вам некурт -
 не курт вим вам гамае вим вам некурт
 урна - 2-й этаж урна. . .

«Дело». Страница чернового автографа. 1887

Сейчас невозможно с точностью сказать, за какую из ниточек спутавшегося клубка человеческих знаний, убеждений, эмоций, мотивов нужно потянуть, чтобы уверенно стать на путь гармонизации всеобщих отношений. Что именно может способствовать развитию внутреннего чувства гармонии, которое не позволит человеку убивать акул ради их мозга, – хотя бы потому, что он научится убивать рак силой собственного желания. Что это будет – воспитание, обучение, духовная практика? Нет конкретных рецептов, но есть принцип сближения основных форм познания, и не в теории, а в реальной жизни каждого человека. Закономерно возникает вопрос: как должны соотноситься философия и наука, философия и религия?

Философия выступает формой синтеза наук, а основными науками Сухова-Кобылин считал математику, логику, психологию и метафизику, то есть философию в ее классическом понимании. Все эти разделы синтезируются на базе единой теории познания, *разумозрительной* философии. Это «говорящее» определение относит нас к высшей стадии развития человека, к становлению его разума. С одной стороны, разумозрительная философия объединяет эти науки – скорее всего, в методологическом плане. Ее задача – всесторонне исследовать единый предмет, бытие со всеми его элементами. С другой стороны, она интегрирует философский и религиозный подходы. Высшая форма религиозности предстает как реализация принципа единства мышления и бытия. Через единство мышления человека и бытия Бога реализуется их единение.

«...Идея и есть Бог, но живой, себя в мир построевающий Бог, не тот Бог, который Мир в семь Дней создал и засим его покинул и от Трудов своих почил; так что Бог остался отдыхать на небе, а мир остался глупить на Земле. Это не Правда!

Нет ленивого Бога и настолько же нет глупого Мира, а есть Идея Мира, или Мир как Идея и есть, существует тот Бог, который Мир этот своим Разумом строит и потому себя в нем воплощает»¹⁷.

Чувственные и рассудочные формы религии есть всего лишь исторически преходящие формы, не дающие полного знания о Боге, следовательно, не предоставляющие шанса сближения человека с высшей мировой силой. Существующие формы религиозности не приводят к преобразованию конечного человека в бесконечность. Это эмпирический факт, не зависящий от того, можем ли мы воспользоваться этим знанием. Высшая форма религиозности мыслилась Сухова-Кобылиным как

разумная, то есть *понимающая, действенная и универсальная*. Разумное начало видит единство всего. Понимающее начало осмысливает причастность человека и общества Богу, необходимость устремления к божественному. Действенное начало побуждает строить практическую, реальную жизнь исходя из высших религиозных принципов. Универсальное начало объединяет философию, науку и религию.

Александр Васильевич Сухово-Кобылин долго вынашивал свои мысли, не торопился их обнародовать, не спешил издавать рукописи: «...сказавши мое слово, я представляю его силе собственной инерции в убеждении, что правда свое возьмет...» С благоговением относился к предмету своих размышлений, взял для себя в качестве примера пифагорейский обычай молчания. В 1899 году писатель признался, что на половину жизни сознательно продлил размышления наедине с самим собой и его философские рукописи явились результатом сорокалетнего молчания-труда.

Такой подход к делу напоминает сократовский, хотя Сократ предпочитал устное слово, живое общение, а Сухово-Кобылин считал наивысшим достижением человеческого духа письменное сочинение. «Сочинения Гераклита, Платона, Гегеля суть Имущество, более – Богатство, и более – не сказанное Богатство человеческого Духа; целый мир Актов, Подвигов, Побед, Завоеваний, – суть все Содержание Поступания Духа и его Автокинии в дальнейшие его Лики, которые в этой бесконечной Дали Толпе людской еще не видны, а Философии уже видны»¹⁸. Подобно Сократу, он слушал свой внутренний голос, шепот, внутреннюю речь. Не садился работать, если не был до конца уверен в том, что ему есть что сказать. То литературное и философское наследие, которое он оставил нам, свидетельствует о глубине мысли, оригинальности и самобытности. Российский последователь Гегеля, восхитившийся когда-то идеей диалектического развития, сумел продолжить ее, не повторяя своего великого предшественника.

Вновь и вновь русский космизм демонстрирует свой универсальный подход к проблемам бытия, перешагивая пределы всевозможных границ в поисках единой формулы философии и творчества, в поисках простоты, лаконичности, цельности. Критикуя православный культ, Сухово-Кобылин отдавал должное протестантизму; в целом преодолевал границы догматического христианства, задумываясь о практическом бессмертии,

¹⁷ Старосельская Н.Д. Сухово-Кобылин. С. 271.

¹⁸ Сухово-Кобылин А.В. Философские письма, или Этюды спекулятивной философии в ее поступании за гегелизм. Т. 1. 1899. ЦГАЛИ. Ф. 438. Оп. 1. Ед. хр. 56. Л. 1–2.

издревле известном восточным учениям. Намек на идею реинкарнации содержится в одном из фрагментов «Учения Всемира»: «Смерть – есть начало. Посредством гибкого Ума и хорошо натренированной Мимики достигается не только полное Перевоплощение, но и новое Рождение, где и как проистекает Процесс, выясняет все Поступание за гегелевскую мысль, выясняет философия Неогегелизма»¹⁹.

Да и личные качества этого человека могут послужить примером. В определенном возрасте он отказался от мясной пищи, практически не курил. Главными условиями хорошего здоровья считал чистый воздух, скудную пищу и усиленный труд. Аристократ, богатый помещик и заводчик, он вставал в пять или шесть часов утра и всю жизнь занимался напряженным умственным трудом. Чего стоит один лишь предметно-тематический каталог прессы, впервые им составленный и пополнявшийся в течение тридцати лет. «...Зная наслаждения всякого рода, – признавался Александр Васильевич своей сестре Душеньке, – я прихожу к убеждению, что лучшими из них являются те, которые доставляют нам наука и искусство, – они дают нам возможность говорить: *omnia mea secum porto*²⁰. Это имеет огромное значение в жизни»²¹.

Научная биография А.В. Сухово-Кобылина еще впереди. Хочется надеяться, что когда-нибудь выйдет в свет академическое издание корпуса его философских сочинений, и мы прочтем полностью «Рукописи. Философские сочинения. Неогегелизм. Учение Всемира», «Философию духа или социологию», «Философские письма, или Этюды спекулятивной философии в ее поступании за гегелизм» и многое другое. Горюя о гибели значительной части своего творческого наследия в 1899 году, 82-летний человек писал: «И в то же время самой несокрушимой верой убежден, что труд мой не пройдет даром: среди толкотни и гама современной людской биржи все-таки найдутся люди, которые примут от меня эти мной собранные зерна и крохи философии, похвалят за хлопоты, допустят дельное, отвергнут ошибки, приложат свои

А.В. Сухово-Кобылин. Фото 1860-х гг.

зерна и свои крохи, и мало-помалу на девственной целине русского мышления прозябнет и вырастет многоценное древо разумозрительной философии. <...> Мне уже слышались за порогом шаги тех, которые ступят далее меня и для которых труды мои станут уже поблекшею листвою осени, но то, что не должно пройти и как осенняя листва не пройдет, это та любовь к истине, которая до днесь меня вела и которая будет вечно жить в человечестве, и других вести, и других поддерживать. Этой любви обязан я совершением моего труда и теми высокими минутами тихого, уединенного, но превысшего наслаждения, которыми великий Дух меня так щедро и несказанно наградил»²².

¹⁹ Старосельская Н.Д. Сухово-Кобылин. С. 197.

²⁰ «Все свое ношу с собой» (лат.).

²¹ Старосельская Н.Д. Сухово-Кобылин. С. 11.

²² Там же. С. 247–248.